

О СЕМАНТИКЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *НАСТОЯЩИЙ*

Анализируется одно из многозначных прилагательных, входящих в синонимичный ряд слов с общим значением «настоящий». Особое внимание уделяется семантической структуре прилагательного *настоящий*.

Ключевые слова: семантика, семантическая структура, синонимы, член класса, свойства класса, оценка.

Современная лингвистика уделяет особое внимание исследованиям семантики конкретных языковых единиц, образующих синонимичные ряды. Актуальность таких исследований обусловлена отсутствием исчерпывающих описаний соответствующих слов – для современной лексикографической практики характерна известная неточность описания семантической структуры лексических единиц (что затрудняет выбор оптимальной для контекста языковой единицы). Так, в словарных статьях большинства современных толковых словарей присутствуют логические круги, т.е. слова трактуются друг через друга.

Проведем анализ данных из словарных статей разных изданий. Так, в ССРЛЯ предлагается следующая дефиниция прилагательного **настоящий**: 1. Происходящий сейчас, в данное время, теперешний. 2. Этот, данный. 3. Подлинный, истинный, действительный (подчёркивание моё – О.Л.) 4. Соответствующий определенным требованиям, представляющий собой лучший образец, идеал чего-нибудь; подлинный. 5. Полностью подобный кому, чему-либо. 6. Такой, какой должен быть, соответствующий качеству чего-либо [1, с. 539–541].

Ср.: данные из словаря С.И. Ожегова: **Подлинный** 1. Настоящий (подчёркивание моё – О.Л.), оригинальный, нескопированный. *Подлинный документ. Подлинный текст.* 2. Самый настоящий, истинный. *Он подлинный ученый.* **Истинный** 1. Соответствующий истине, содержащий истину. *Истинное суждение. Истинный рассказ.* 2. Точный, устанавливаемый научно. *Истинный горизонт. Истинное солнечное время.* 3. Действительный, настоящий (подчёркивание моё – О.Л.), несомненный. *Истинное происшествие. Истинное раскаяние. Истинный друг* [2].

Как видно из определений, прилагательное *настоящий* определяется через прилагательные *подлинный, истинный*, которые, в свою очередь, содержат в своих определениях прилагательное *настоящий*.

Логические круги предполагают, что данные лексические единицы имеют одинаковое значение и поэтому могут быть взаимозаменяемы практически в любых контекстах. Действительно, в ряде случаев подобная замена возможна. Например, в высказывании *А настоящий друг, он и после смерти друг* исходная единица *настоящий* была заменена синонимами *истинный* и *подлинный*. Ср.: *А истинный друг, он и после смерти друг. А подлинный друг, он и после смерти друг*, где высказывания, получившиеся в результате замены, оценены носителями языка как правильные, что действительно позволяет утверждать о сходстве их значений.

Однако во многих случаях замена одной лексической единицы на другую приводит к тому, что полученное высказывание оценивается носителями языка как неприемлемое. Ср.: *Необходимость наращивания такого взаимодействия особенно велика в настоящий момент. *Необходимость наращивания такого взаимодействия особенно велика в истинный момент. *Необходимость наращивания такого взаимодействия особенно велика в подлинный момент.*

Таким образом, несмотря на семантическую общность данных единиц, существуют признаки, разграничивающие их значения, что делает их взаимозамену в ряде случаев невозможной. Современные толковые словари не предлагают адекватного описания семантики рассматриваемых лексических единиц, что, безусловно, говорит в пользу актуальности исследования их семантической структуры.

Остановимся на определении особенностей семантики прилагательного *настоящий*.

Г.Е. Крейдлин в статье «Таксономия и аксиология в языке и тексте (предложения таксономической характеристики)» анализирует смысловую структуру лексемы *настоящий*, выделяя в ней шесть значений.

Так, например, *настоящий* I $Y =$ [пресуппозиция] объект или класс X входит в класс Y в качестве элемента. Сопоставляя свойство объекта/класса X со свойствами других элементов того же класса Y, говорящий **считает** (выделение моё – О.Л.), что X обладает **всеми родовыми** (выделение моё – О.Л.) свойствами объектов класса Y и **не обладает никакими** (выделение моё – О.Л.) родовыми свойствами объектов других классов [3, с. 33].

Проанализируем следующее предложение с позиции данного определения: *Толстой объединил человека и природу – это настоящий реалист* (пример взят из статьи Г.Е. Крейдлина). Согласно значению *настоящий* I Y получаем следующую интерпретацию: объект «Толстой» входит в класс «реалистов» в качестве элемента. Сопоставляя свойства объекта «Толстой» со свойствами других объектов класса «реалисты», говорящий считает, что «Толстой» обладает всеми родовыми свойствами класса «реалисты» и не обладает никакими родовыми свойствами объектов других классов, например класса «мыслители».

Такое определение значения *настоящий 1* *У* вызывает ряд возражений. Во-первых, сопоставление свойств объекта *X* происходит в рамках одного и того же класса, поэтому говорить об отсутствии у *X* каких-либо свойств других классов не вполне оправдано. Утверждать об отсутствии свойств других классов можно лишь в рамках другого противопоставления, что оказывается нерелевантным для значения *настоящий 1*, так как оно не содержит такой информации (так, например, Толстой был известен не только как реалист, но и как мыслитель). Иными словами, нет оснований утверждать, что *настоящий 1* *У* вносит информацию о том, что *X* не обладает никакими другими свойствами.

Также представляется спорным введение родовой характеристики, поскольку речь идет скорее не о родовых (содержащих признаки или понятия, общие для ряда явлений, предметов или частных понятий [4]), а о видовых свойствах (объединяющих разряд предметов, явлений с одинаковыми признаками, входящий в состав более общего разряда – рода). Ср.: Класс – совокупность, разряд, группа предметов или явлений, обладающих общими признаками [5].

Наконец, представляется не совсем оправданным говорить о том, что **считает говорящий**. Введение модальной рамки «говорящий считает, что» представляется методологически нерелевантным, так как в этом случае исследователь «сбивается» на описание самой денотативной ситуации. Например, при нарушении условий истинности говорящего (когда он фактически считает не *P*) данная модальная рамка не отражает истинного положения дел. Как представляется, можно скорее говорить о том, какую именно информацию вносит говорящий (при этом условие истинности становится нерелевантным, тем самым акцент смещается на анализ смысла/содержания высказывания, а не на описание того, что чувствует/думает/полагает говорящий).

Выделенное Г.Е. Крейдлиным значение *настоящий 2* *У* вносит информацию о том, что, «сопоставляя *X* с объектами класса *У*, говорящий **считает** (выделение мое – О.Л.), что *X* не обладает основным родовым свойством этих объектов и потому не является членом класса *У*, но *X* обладает очень многими свойствами этих объектов и потому воспринимается как полное подобие такого объекта». Данное значение также вызывает ряд возражений: так, например, невозможно говорить о том, что считает говорящий – это условие не наблюдаемо (об этом выше).

По мнению Г.Е. Крейдлина, в случае с *настоящий 2* референт именной группы *X* отличен от референтов-объектов класса *У*. Поэтому в предложениях типа *X* – *настоящий 2* *У* главным является утверждение об идентичности *X* некоторому объекту, входящему в класс *У* (главной ремой и носителем главного фразового ударения является *У*). На наш взгляд, в случае, когда прилагательное *настоящий* употреблено в атрибутивной позиции, действительно

можно утверждать, что носителем главного фразового ударения будет *У*. Напротив, в случае, когда прилагательное употреблено в предикативной позиции, носителем фразового ударения будет лексема *настоящий*. Ср.: *Ёжик, как настоящий музыкант, поклонился с пенька муравьям, кузнечикам и комару и унёс скрипку в дом, чтобы она не отсырела. Vs Ты мой самый настоящий, самый любимый слон, папка, дурак старый*¹.

Иными словами, представляется возможным утверждать, что наличие фразового ударения у *X* или *У* зависит не от значения (*настоящий 1* или *настоящий 2*), а от синтаксической функции прилагательного.

Другие значения, выделенные Г.Е. Крейдлиным, имеют следующий вид: *настоящий 3* – «этот», *настоящий 4* – настоящий 4 *X P* – «*X* такой, который совпадает со временем и местом предиката *P*. Значение *настоящий 5* – «искусственный, натуральный», сочетается с именами естественных классов, включен в бинарное противопоставление «натуральный vs искусственный». У данной лексемы стерто аксиологическое значение и оно не имеет коннотации «хороший» (Например: *Этот хоть и настоящий мех, но плохой <воротник из него не сделаешь>*). *Настоящий 6* = «высший, в самой полной мере обладающий признаками *X* и противопоставлен всем «ненастоящим» [3, с. 37].

Важно, что автор выделяет в семантической структуре прилагательного *настоящий* оценочный компонент. Однако лексема *настоящий* не всегда обладает данным компонентом (аксиологическое значение стёрто у значения *настоящий 2* и *настоящий 5*), и само понятие «оценка» до конца не определено. Рассмотрим понятие «оценка», которое получило в лингвистике неоднозначную интерпретацию и представляется релевантным для данного исследования.

Так, оценка как семантическая категория подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «*A* (субъект оценки) **считает, что** (выделение моё – О.Л.) *B* (объект оценки) хороший/плохой». Как было отмечено выше, введение модальной рамки «говорящий считает *P*» представляется нерелевантным. Оценка, по мнению Е.М. Вольф, может даваться по самым разным признакам («истинность/неистинность», «важность/неважность» и т.п.), однако основная сфера значений, которые обычно относят к оценочным, связана с признаком «хорошо/плохо», и именно этот вид оценки предполагают высказывания о ценностях [6, с. 8].

Представляется возможным говорить об оценке не как о приписывании объекту признака «хороший/плохой», а в том смысле, что говорящему для констатации принадлежности данного объекта к какому-либо классу необходимо определить и в этом смысле «оценить» степень соответствия данного объекта тем требованиям, которым должен удовлетворять член данного класса. В основе данной «оценки» лежит когнитивная операция «соотнесения».

¹ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка.

Ср.: *Это настоящий шёлк. Сказка – это настоящее искусство. Этот ваш Треплев был настоящий преступник, почище Джека Потрошителя. Самый настоящий, умный, энергичный, хорошо замаскированный враг* (у прилагательного *настоящий* отсутствует оценочное значение «хороший/плохой»). Оно присутствует у существительных, с которыми оно сочетается, и, таким образом, оценочная характеристика указана в самом тексте или домысливается из общего контекста или знаний о мире).

Суммируя вышесказанное и принимая во внимание выделенные Г.Е. Крейдлиным значения прилагательного *настоящий*, а также некоторые возражения по их содержанию, отметим, что в семантической структуре прилагательного *настоящий* представляется возможным выделить два основных значения.

В первом значении возможно говорить не о наличии у X родовых свойств, а о приписывании говорящим объекту X некоторых свойств объектов, характерных для объектов класса Y, и наличие этих свойств позволяет отнести объект X к классу Y, при этом объект сохраняет свою качественную определенность. Например, *Этот ваш Треплев был настоящий преступник, почище Джека Потрошителя*. В данном предложении свойства объекта «Треплев» (X) сравниваются со свойствами членов класса преступников (Y). Сопоставляя X (его свойства) с другими объектами класса Y (другими преступниками), говорящий уподобляет объект X другому объекту, входящему в класс Y в качестве члена.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать в следующих примерах, взятых из статьи Г.Е. Крейдлина: *Мадам, Вы – настоящая богиня! Муж мой – настоящий ребенок, он верит во всё, что сам же придумывает. Этот мальчик – настоящая ртуть, он ни минуты не может сидеть на месте*, где объект X выступает не в своем прямом, а переносном значении – «похожий на Y, как бы Y».

Второе значение прилагательного *настоящий* представляется возможным определить следующим образом: *настоящий 2 X* – высший, в самой полной мере обладающий признаками X, позволяющий отнести X к лучшему представителю класса X. Выделенные Г.Е. Крейдлиным значения 5 и 6 прилагательного *настоящий* представляется логичным отнести к этому второму значению, поскольку в обоих случаях лексема *настоящий*, как будет показано ниже, вносит информацию о полноте обладания X свойств объектов класса X. Ср.: *Точно известно, что их дивизии завидовали офицеры других дивизий гарнизона, потому что их начальник штаба был «из бывших царских офицеров», то есть настоящий офицер. Может быть, он был мой самый настоящий, верный друг. Мне тогда первый раз в городском ателье платье шили. Настоящий шифон. Белый-белый*. Здесь *настоящий 2 X* противопоставлен всем «ненастоящим, фальшивым, ложным, обыкновенным», и данная лексема близка по значению к словам «идеальный» и «подлинный» со значением «такой, которого нет лучше». Ср.: *настоящий друг – идеальный друг, подлинная роскошь – настоящая роскошь, подлинная культура – настоящая культура*.

Итак, анализ словарных толкований прилагательного *настоящий*, а также примеров его употребления позволяет выделить в структуре прилагательного *настоящий* два основных значения, а само прилагательное отнести к категории «неоценочных».

Слово *настоящий* тесно связано с прилагательными *истинный* с одной стороны и переводится словом *true*. Однако, как известно, *true* может переводиться еще и как *правдивый*. В русском языке в дальнейшем будет исследоваться данное прилагательное, которое не является синонимом слова *настоящий*. Поэтому между русским и английским прилагательными нет прямого соответствия в этом контексте, и необходимо выстраивать переводческую модель. Для построения переводческих моделей и переводческих корреляций между прилагательными *настоящий*, *истинный*, *подлинный*, *действительный* с одной стороны и прилагательными *true*, *loyal*, *faithful* необходимо сначала изучить их семантическую структуру.

Список литературы

1. Словарь современного русского литературного языка. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
2. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. – М.: Оникс, 2011.
3. Крейдлин Г.Е. Таксономия и аксиология в языке и тексте (Предложения таксономической характеристики) // Логический анализ языка: ментальные действия. – М.: Наука, 1993. – С. 30–40.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2000.
5. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/searchall.php> (дата обращения: 22.02.2013).
6. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002.

Получено 20.03.2013

O.G. Lukoshus

ON SEMANTICS OF THE RUSSIAN ADJECTIVE

NASTOYASCHY (TRUE)

This article describes one of the Russian polysemantic adjectives that is included into the synonymic row of the words with the common meaning *true*. Special emphasis is laid on the semantic structure of the adjective *nastoyaschy (true)*.

Keywords: *semantics, semantic structure, synonyms, class member, class characteristics, evaluation.*